

А поутру они проснулись

Маркус Агирре

Утро для молодого Агирре пришло с сильной головной болью и желанием кого-нибудь убить. Желательно петуха из какого-то дома, который с рассветом начал кукарекать, взобравшись куда-то высоко. Потому что его "кукареку" показалось Маркусу слишком громким и неприятным.

Немного потарасившись на потолок, Маркус понял, что он находится не в своей комнате в монастыре. К этому умозаключению он пришел потому, что, во-первых, потолок здесь был другой, а помещение казалось больше; во-вторых, в его комнате не было запахов трав, а в-третьих, в монастыре, если он был прав, петухов никогда не было. И вот это было странно. Не то, что там не было петухов, нет, а то, что он был не в своей комнате.

Он прикрыл глаза и постарался вспомнить, что произошло, где он и кто он. Хотя на вопрос "кто я" он ответил почти сразу, а вот над ответом на первые два вопроса пришлось подумать. И мысли из воспаленного мозга привели его к тому, что он вспомнил, как сидел в закуской.

Он сел на циновке и поморщился от неприятной боли в голове и теле. Запустил пальцы рук в волосы и опустил голову, пытаясь хоть как-то справиться с этой болью. И стали возвращаться воспоминания. Он разговаривал с Джуном, они поссорились. Потом он пошел в деревню и купил настойку. А потом он помнил цветы и дом. И Цэрин Лхаце. Кажется, он с ней разговаривал. Но что он ей говорил?

Он попытался встать, но любое движение отдавалось болью, и ему пришлось лечь обратно и закрыть глаза. Кажется, он пытался признаться в любви этой девушке, а она сказала, что через неделю уезжает.

Она уедет, и он больше никогда не увидит ее. Это ужасно, этого никак нельзя допустить, и он вздохнул. Захотелось пить.

- Можно мне попить? - Тихо спросил он, нарушая тишину в этом помещении. Он не был уверен, что его кто-то услышит и выполнит его просьбу, но все равно решил надеяться на лучшее. А еще он подумал, что надо срочно привести себя в порядок и извиниться перед девушкой за свое дурацкое поведение.

Цэрин Лхаце

Эту ночь Цэрин Лхаце спала плохо. Вечерний разговор с пьяным Маркусом не давал ей покоя, заставляя продумывать все новые и новые варианты своих действий на ближайшие несколько дней. И сколько бы она не пыталась рассмотреть проблему с разных сторон, в итоге все приходило к одному - необходимости как можно быстрее оставить в деревню. Правда это свое решение с братом девушка пока не обсуждала, но Кету Домар раньше никогда не противоречил ей в вопросах, касающихся переездов, послушно отправляясь туда, куда она считала нужным.

Несмотря на практически бессонную ночь, о работе Цэрин Лхаце не забыла, рано утром собравшись идти в лазарет, где она убиралась или чем-нибудь помогала дежурному врачу раз два-три в неделю. С учетом грядущих скитаний даже небольшие деньги, которые ей за это платили, были весьма кстати, поэтому девушка привела себя в порядок, насколько это являлось возможным, поцеловала все еще спящего брата в лоб и направилась в сторону лазарета, очень надеясь никого там не застать и хотя бы полчаса побыть наедине со своими невеселыми мыслями.

К ее глубокому сожалению, надеждам не удалось оправдаться, поскольку уже на подходах она услышала слабый голос какого-то пациента, просящий воды. И, с тяжелым вздохом переступив порог, Цэрин Лхаце собиралась уже исполнить просьбу страждущего, как ее осенило, кому именно принадлежал голос. На минуту девушка замерла на том месте, где стояла, но, понимая, что подобное поведение не подходит взрослому ответственному человеку, набрала в кружку воды и поставила ее рядом с лежащим Маркусом, стараясь на него не смотреть и, естественно, не собираясь его поить, поскольку нынешнее плачевное состояние молодого человека казалось ей вполне заслуженным наказанием за вчерашний концерт.

Маркус Агирре

На его просьбу дать ему попить никто не ответил, только снова закричал петух. Он вздохнул и прикрыл глаза, а потом слышался скрип половиц. Он поморщился и открыл глаза. Перед ним стояла Цэрин Лхаце, а на тумбочке уже была чашка с водой. Маркус вздрогнул и сел на циновке. Щеки налились смущенным румянцем.

Он не знал, что говорить, но взял чашку с водой и посмотрел, как она дрожит в руках. Тяжело вздохнув, он выпил воду и поставил чашку обратно. Потом облизнулся и постарался встать, но это не получилось, и он повалился обратно. Обхватил голову руками и закрыл глаза. Раньше было проще справиться с похмельем, но здесь было все по-другому. Здесь не было аптеки, в которой продавался какой-нибудь антипохмелин, и приходилось лечиться народными методами. Только он не знал народные методы.

- Цэрин Лхаце, - тихо сказал он, поднимая голову и глядя на девушку. - Вы... когда уезжаете? - спросил он.

Цэрин Лхаце

Собираясь поработать в лазарете девушка даже и не предполагала, что сегодняшнему утру будет суждено стать продолжением вчерашнего кошмара. Радовало одно, сейчас Маркус вел себя намного тише, чем накануне, и пока не пытался лезть к ней со своей любовью, позволяя Цэрин Лхаце создавать видимость огромной занятости, не дающей тратить время на уход за человеком, страдающим не от какого-то реального заболевания, а от последствий собственной бестолковости.

- Как и обещала, в течение недели, - бросила девушка через плечо, снимая несколько пучков с травами и складывая их на маленький столик. - Ваш друг может на мой счет больше не волноваться и заниматься, чем хочет и когда хочет.

В каком-то смысле, своими словами Цэрин Лхаце подтверждала, что связана с

пожаром в старом доме, но сейчас девушка не видела больше необходимости притворяться и делать вид, что ни в чем не виновата. Она и Кету Домар в любом случае оставались главными, если не единственными, подозреваемыми, а потому Цэрин Лхаце, не рассказывая ничего конкретного, собиралась договориться полюбовно, гарантировав молодому мужчине по имени Джун, ставшему объектом нелюбви ее брата, безопасность. Ведь что могло быть безопаснее, чем отбытие угрозы в неизвестном, но, в любом случае, далеком направлении?

Маркус Агирре

Разумеется, ему было неинтересно, куда она уезжает и когда. Ему вообще изначально хотелось сказать совершенно другое, но он так и не решился поговорить на тему того, что вчера было. Потому что почти все сказанное им являлось правдой, и он сам этого боялся. Боялся последствий своей влюбленности, боялся, что это действительно совершенно другое чувство, не такое, как обычно бывало при знакомстве с девушками. Может быть, это неправда, и он, как только она уедет, забудет о ней? И это тоже пугало. Потому что он не хотел о ней забывать.

Тем временем девушка ответила, что в течение недели оставит их с Джуном. Интересно, что Джун будет делать, если не поговорит с ней? Будет дальше разбираться в этом доме или оставит все это в покое? Хотелось бы, конечно, чтобы Джун оставил все это в покое, как это собирался сделать сам Маркус. Он хотел перестать интересоваться тайной этого дома. Потому что Цэрин Лхаце не хотела этого. Ему не хотелось ее расстраивать.

Он кивнул и снова постарался встать. На этот раз получилось, и он, посмотрев на нее, скрылся в туалетной комнате. Умылся и привел себя в относительный порядок. После воды стало намного легче, и он вернулся к девушке. Встал напротив нее и прислонился плечом к дверному косяку, чтобы стоять было чуточку легче. Хотел сначала взять девушку за руку, но потом просто опустил голову и закусил губу.

- Цэрин Лхаце, я... хочу попросить у вас прощения за вчерашнее. Я ничем не отличался от скота, но.. раз мы с вами больше никогда не увидимся, то позвольте вам сказать, - он поднял голову. - То, что я вам сказал, правда. Я... влюбился в вас.

Щеки пылали от смущения, и он сглотнул.

Цэрин Лхаце

Судя по тому, что Маркус смог встать, дела у него обстояли не так и плохо, как казалось на первый взгляд. И это давало Цэрин Лхаце надежду, что ее преследователь скоро покинет лазарет, а, в идеале, ее жизнь, хотя последнее постепенно начинало казаться чем-то из разряда фантастики. То, как Маркус каким-то совершенно непостижимым образом постоянно сталкивался с ней чуть ли не на каждом углу, напоминало злую насмешку судьбы, наказывающей девушку за совершенные ранее ошибки, которых, как ей теперь казалось, было не так и мало.

Слова вернувшегося юноши и его очередное признание заставили Цэрин Лхаце вздрогнуть. Она надеялась, что этот бред о любви закончился вместе с действием алкоголя, но, к сожалению, Маркус снова вернулся к неприятному для нее разговору, вынуждая подбирать слова, способные, наконец, расставить все по своим

местам.

- Ваши извинения я принимаю, - девушка прилагала все возможные усилия, чтобы ее голос звучал холодно и не выдавал, как сильно она разнервничалась, - а вот все остальное - нет. Да и вы явно заблуждаетесь. Невозможно любить человека, которого совсем не знаешь. Вы явно придумали себе какой-то женский образ, наделив его моей оболочкой. Так знайте, он не соответствует реальности. Той, что вам понравилась, не существуют. Поэтому прошу вас не поднимать больше эту тему и, если вы чувствуете себя достаточно хорошо, покинуть лазарет. Мне здесь нужно убраться.

Подкрепляя свои слова, Цэрин Лхаце вытащила метлу и яростно начала ей работать, стараясь не смотреть на Маркуса и не показывать, что своими признаниями он все-таки умудрился вызвать некоторое смятение, заставляя ее чувствовать себя совсем не так уверенно, как девушке того бы хотелось.

Маркус Агирре

Ох, как много букв, слов, предложений. Маркус мотнул головой, поморщился от неприятной боли в ней и пальцами руки помассировал виски. Голова болеть стала сильнее, и он хотел сдохнуть. Но рядом с ним стояла девушка, из-за которой ему, наоборот, хотелось становиться сильным и смелым. Хотя, проанализировав ее слова, он понял, что действительно никому не нужен. Его никто не любит, его никто не любил и вряд ли кто-то полюбит. Он вздохнул и взъерошил волосы.

Любить надо за поступки. Он для девушки ничего хорошего не сделал. В принципе, он никогда никому не делал ничего хорошего. Раньше он жил для себя, а потом отец чуть не пал жертвой льва, и Маркус смог спасти его. Потом Маркус долго ухаживал за отцом, а потом начался пожар, в результате которого он познакомился с этой девушкой.

- Я... простите меня. Вы, наверное, правы. Я влюбился просто в красивую оболочку. Это моя вина, и вы можете не переживать. Я больше вас никогда не побеспокою. Я даже не буду спускаться в деревню, чтобы случайно не встретиться с вами. Прощайте, Цэрин Лхаце, и будьте счастливы.

Он кивнул девушке, которая начала подметать, и решил, что в состоянии дойти до монастыря. А потом, вздохнув, покинул лазарет. Наверное, надо забыть ее.

Он вышел из деревни и направился в монастырь.

Цэрин Лхаце

Цэрин Лхаце была готова практически к любой реакции со стороны молодого человека на свои холодные слова, включая попытку убедить ее в неправоте, но, к счастью, тот не стал спорить. Она уже заметила, что Маркус обычно не пытается на нее давить, благодаря чему ей удалось благополучно избавиться от одежды брата. И в этом был большой плюс, хотя, его уступчивость, даже несмотря на озвученные чувства, казалась Цэрин Лхаце немного странной и неожиданной, с учетом всех тех подозрений, которые вызывало ее поведение.

Больше девушка так и не произнесла ни слова, хотя вежливость требовала автоматически сказать что-то вроде "прощайте" или "и вы будьте счастливы". Но сейчас ей не хотелось говорить подобную банальщину, а подобрать правильные слова Цэрин Лхаце так и не смогла, поэтому только еще яростнее замахала метлой, словно старалась вымести из лазарета лишние мысли, которым там было не место. В какой-то момент ей захотелось повернуть голову и посмотреть юноше вслед, но, посчитав это желание глупым и неуместным, девушка себя остановила. Все эти разговоры о любви, пусть и не были восприняты ей всерьез, на секунду заставили задуматься о том, какой была бы жизнь, не крутись она вокруг ее брата. Но, понимая всю бессмысленность подобных рассуждений, Цэрин Лхаце обозвала себя безответственной дурой и вернулась от несбыточных фантазий к насущному вопросу - утренней уборке в лазарете, ожидающем появления дежурного врачевателя и новых пациентов.
